

«Две жизни».

Часть IV.

Глава 1

Путешествие по морю лорда Бенедикта и его спутников на пароходе капитана Ретедли. Новые знакомства обитателей Лондонского особняка с пассажирами первого класса. Размышления Алисы и ее разговор с лордом Бенедиктом во встречах. Разумов и беседы лорда Бенедикта с его группой. Алиса читает тетрадь Венецианца

Корабль Ретедли благополучно доставил всех людей и грузы в Нью-Йорк, хотя условия плавания были трудными и многие из пассажиров переболели морской болезнью. Лиза и Алиса чувствовали себя прекрасно во время путешествия. Они проводили немало времени на капитанском мостике в часы дежурства самого капитана, где он, шутя, обучал их искусству кораблевождения.

Благодаря заботам лорда Бенедикта и капитана вся часть корабля, предназначенная пассажирам первого класса, была в распоряжении самого лорда, его друзей и их многочисленной свиты. К удивлению Алисы и Лизы — самых здоровых, самых подвижных и любознательных из всех спутников лорда Бенедикта, — все каюты первого класса, многочисленные и рассчитанные на двух и трех пассажиров, оказались занятыми людьми, не только знакомыми лорду Бенедикту, но и близкими ему и отправлявшимися вместе с ним строить новую Общину.

На второй же день путешествия лорд Бенедикт собрал всех здоровых пассажиров первого класса в музыкальном зале парохода, где — после небольшого концерта Лизы и Алисы — презначкомил между собой всех присутствующих.

Всегдашнее обаяние лорда, его умение поставить всех на равную ногу с собой сделали и самое знакомство в первый раз в

жизни встретившихся людей и последовавший за концертом ужин значительными и приятными. Каждый чувствовал себя гораздо увереннее от сознания, как во много раз увеличилось вдруг число его друзей на свете.

Обитатели особняка лорда Бенедикта привыкли к самой пестрой толпе людей, сменявшихся вокруг него в его делах и встречах простых рабочих дней. За время жизни с ним все они принимали участие во многих его делах, выполняли его поручения и потому нисколько не были удивлены разношерстной публикой, явившейся на приглашение лорда послушать музыку.

Но все же и Алису, и Лизу, и даже самого капитана удивили несколько фигур в восточных одеждах, не говоривших ни на одном языке, кроме наречия своей страны. Понимать их могли только сам лорд Бенедикт, Николай, Наль, да с большим трудом — Генри, который, казалось, овладевал этим чужим языком впервые и не без труда.

Люди эти с наивными, чистыми лицами, загорелые, с загрубелыми руками, смотрели восторженно на лорда Бенедикта. Они точно молились, когда отвечали на его вопросы, сопровождая ответ глубоким восточным поклоном, сложив руки у сердца.

Наль, чувствовавшая себя в этот день лучше, привлекала к себе, как магнит, всю восточную группу. С нею эти люди чувствовали себя легко и просто. Она переводила им слова песен Алисы, а также вопросы и ответы, когда с ними вступали в беседу соседи, не владевшие их речью.

Алисе казалось, что разница внешнего воспитания, манер и социального положения всех присутствующих людей совершенно стиралась от одушевлявшей их всех одной большой радости: жить и трудиться для счастья людей. Ей было странно — ей, пережившей так много бурь и невзгод в родной семье, не знавшей в своем доме ни одного дня мира, — видеть здесь целые семьи людей, крепко любивших друг друга, распространявших вокруг себя волны прочной, верной дружбы, глубокого мира и уважения друг к другу.

Никогда еще Алиса не присутствовала в таком пестром обществе. Здесь были и простые рабочие со своими женами и детьми в самых скромных и даже бедных одеждах, с манерами, соответствовавшими их туалетам. Были и горожане типа бедных швей и мелких торговцев. Были и студенты и мелкие клерки, а

также и высокообразованные люди, блиставшие остроумием юмора, культура которых сквозила во всех их словах и манерах.

Но под всем этим внешним разнообразием Алиса легко читала общие свойства всех этих людей: их доброту и неподкупную честь. Радостность была общим признаком собравших лордом Бенедиктом людей.

Тихо сидела Алиса в уголке дивана, наблюдая окончивших ранний ужин путешественников. Люди разбились на группы, непринужденно выбрав себе компанию, и занимались рассматриванием разбросанных на столах многочисленных журналов, иллюстрированных альбомов и снимков той страны, куда они ехали.

Девушка внимательно присматривалась к лицам своих спутников и старалась угадать, что заставило двинуться с насиженных мест всю эту толпу людей. Ей казалось, что главным стимулом этого передвижения были личные несчастья людей, заставившие их искать новое место жизни. Но сколько она ни всматривалась в лица, ни на одном из них она не находила выражения горя, разочарования или тоски. Огромная энергия лилась от большинства фигур. Иные были спокойны, но буквально все лица были веселы, радостны, мирны.

— Плохой же ты психолог, моя дорогая девочка, — услышала Алиса над собой смеющийся голос лорда Бенедикта, так любившего заставить ее врасплох в ее размышлениях. — Ты ищешь здесь людей, еще живущих в когтях личного горя? Или еще имеющих в душе несносное раздвоение? Люди, едущие для того, чтобы строить новые рельсы другим, могут быть только *освобожденными* от давления своего собственного «я», — продолжал он, опускаясь рядом с нею на угловой диванчик. — И почему ты, всегда такая приветливая и умеющая быть центром общего внимания, забила сегодня в угол и предоставляешь блистать Наль и Лизе? Не манит ли тебя море, к которому ты так тянешься весь день? Не хочется ли тебе покинуть людей, чтобы полюбоваться океаном и небом в ночной тьме? — улыбаясь продолжал лорд Бенедикт.

— Вы могли бы меня сконфузить, отец, если бы мысли мои действительно блуждали где-то вне этой комнаты, — отвечала Алиса. — Но то, что мне так сильно хотелось понять, то вы сразу же осветили мне вашими первыми словами. Конечно, здесь могут быть лишь закончившие свои личные драмы и дела люди. Сейчас я это поняла. Но меня так поражает... Как бы мне выразиться? — призадумалась Алиса. — Ну, я скажу смешно, но

вы меня поймете. Мне кажется, что все здесь собранные вами люди уже перешли стадию духовного развития, когда они думают о какой-либо привлекающей их идее. Когда у людей работает мысль и, повелевая, говорит им: «Единись со своими ближними в красоте и доброте, потому что это путь к Богу». Все ваши новые сотрудники кажутся мне единящимися друг с другом просто от избытка энергии любви в своем сердце. Точно каждому из них тесно в своей скорлупе, и он, помимо своего личного желания, выбрасывает луч любви своего сердца навстречу всему живому, что видят его глаза.

— Bravo, Алиса, ты начинаешь говорить и наблюдать точно. Но чего ты недосмотрела в окружающих тебя людях, это большого круга радости, в котором двигается каждый из них. Знаешь ли ты, почему все присутствующие здесь так радостны? Потому что каждый из них страдал до смерти и *имел мужество* не согнуться и не разбиться в горе, но *закалить* в нем свою верность, свою цельность и преданность Свету. Каждый из видимых тобою здесь людей понял, что сила человека не в его гигантской или слабой воле, но в его *верности единственному* закону Жизни на земле: *Любви*. Любовь к человеку привела всех этих людей к встрече со мной, затем сюда, дальше поведет их к новому строительству Общины и наконец приведет их к Светлому Братству. Я подсел к тебе сейчас, чтобы с первых же шагов нового этапа твоей жизни разъяснить тебе некоторые вещи. Ты, как и Лиза, как и Наль с Николаем, как и Генри, не принадлежишь к тем, кто будет жить в Общине, хотя вы все будете принимать большое участие в ее первом рождении. Тебе придется жить не в уединении, а среди густых толп людей, в шумных городах. Ты будешь стоять крепким столпом мира и любви среди бурь и всевозможных страстных волнений людей. Ты будешь служить людям, подавая им Свет через искусство. Люди вокруг тебя будут самые разнообразные. Будут встречи великие, превращающие в одну минуту всю жизнь в рай. Будут встречи важные, утверждающие в человеке все его лучшее. Будут встречи серые, где не пробудить живой совести сердца, и, наконец, будут люди, встречи с которыми тебе надо избегать. На твоём лице удивление. Тебе кажется: раз человек выразил свое желание тебя видеть, а тем паче сказать тебе, что он несчастен, для него запрета нет, он может прийти к тебе. Ему *нужно* утешение, нужен совет, ты же говоришь, что *хочешь* жить для счастья и радости людей, следовательно, когда бы, кто бы и откуда бы к тебе ни пришел, дверь твоя ему открыта.

— Да, я так думаю, отец.

— Напрасно, дитя, ты так думаешь. Далеко *не так* должна ты себя держать, если идешь *всей* своей верностью за Учителем, если таковым считаешь и называешь меня. Разве ты уже не имела случая на деле перенести всю тяжесть скорби *отказа* в свидании? Разве ты забыла, как бедная Дженни писала тебе — и многим из близких тебе — письма? Просила свидания? Посылала тебе самые жалостливые слова? Сердце твое рвалось от горя за сестру, ты хотела всеми силами помочь ей, пойти на свидание, написать. И я сказал тебе: «Нет». Помни же, Алиса. Если ты хочешь *всею верностью* сердца идти за Учителем, если хочешь *дойти* до великой, радостной, стоящей перед тобою цели: войти в соотрудники Светлого Братства, — далеко *не* все встречи тебе разрешены. Будут люди, жаждущие встречи с тобой, говорящие тебе о своей невинности и несчастьи, ищущие твоего совета, на словах верящие в твою духовную высоту, — и все же мое «нет» будет стоять перед тобою препятствием к встрече. Тебя будут поносить за твой отказ, обвинять в эгоизме и трусости, но *ты* будешь *знать*, что там было *мое* «нет». И напротив, будут встречи — внешне — для людей презренные. А я скажу: «Да». И ты примешь и благословишь встречу. И что бы ни говорили и в этом случае люди, сердце встречного встрепенется, *оживет, примет* луч чистой любви из твоего сердца в свое, и ты *утвердишь* в нем *Его* лучшие силы и пробудишь в нем Свет. Помни, друг, *этот* мой завет. Строй на нем всю дальнейшую жизнь и перед каждой встречей думай о моем «да» или моем «нет».

Лорд Бенедикт поднялся, предложил Алисе руку и подошел с ней к довольно большой группе людей. В центре ее стоял человек с альбомом в руках и рассказывал своим слушателям о свойствах почвы, растительности и особенностях климата Калифорнии.

Человек этот был похож на ученого. Внешность его, манеры и чистая английская речь, ясная и точная, изысканная, выдавали человека хорошо образованного и воспитанного. Одет он был очень опрятно, но просто, видимо, он мало придавал значения эlegantности костюма. В момент, когда Алиса и лорд Бенедикт подошли к группе, ученый заканчивал свою беседу.

— Это русский, — тихо сказал Алисе лорд Бенедикт. — Он уже в третий раз совершает путешествие в Калифорнию. По моему заданию он отыскивал место для Общины вместе с другими моими друзьями. Он один из немногих едущих с нами

знает точно место, куда мы едем, и все его особенности. Он знает также весь наш маршрут. Знает все законы и обычаи каждого из многочисленных штатов, через которые мы будем проезжать. Нам придется пересечь поперек всю страну. Я нарочно заказал огромное количество повозок с лошадьми, чтобы каждый из едущих мог познакомиться со всеми особенностями новой страны, куда он попал. Зовут этого русского Петр Иванович Разумов. Но оставим пока эту группу, у них дела немало. Каждый день Разумов будет преподавать своим спутникам в форме рассказов все, что им необходимо знать для первых месяцев жизни на новой родине. Вернемся к тебе. Ты в свойственной тебе сфере в легкой форме концертов будешь развивать вкус и пополнять знания в музыке твоих будущих сотрудников по строительству Общины. Иногда одна, иногда с Лизой, иногда со мной; ты начнешь с классиков и кончишь — уже обосновавшись в Калифорнии — современностью в музыке всех народов. Начинай с завтрашнего же дня. Составь себе конспект и подавай каждое произведение, объясняя его стиль и эпоху. Непонимающим будут переводить твои слова Николай, Наль и Генри. Загляни в самый большой чемодан в своей каюте. Я просил Сандру и Тендля собрать в него для тебя ноты и книжки, необходимые для начала твоих концертов. Так как Ананда просмотрел составленный ими список, то я не сомневаюсь, что в твоём чемодане окажется собранным все лучшее, что существует в музыке и что тебе может понадобиться для твоих популярных лекций. Кроме того, ты видишь, как дети льнут к тебе и смотрят на тебя, точно ты сказочная принцесса. Пользуйся этой любовью, крепко завяжи здесь, на пароходе, свой первый узел дружбы с ними. Когда доедем до места, ты встанешь во главе музыкальной школы. Как мы будем обучать маленьких людей музыке, об этом я тебе скажу потом. Обучать мы будем всех детей, без всякой зависимости от музыкального дарования или отсутствия его. Но, конечно, метод преподавания, форма и способы его будут в самой тесной связи с одаренностью или отсутствием ее в детях. Музыка — один из самых первых феноменов, пробуждающих чувство прекрасного в сердце человека. Поэтому знакомство с нею всего населения Общины составит одну из твоих главных задач в нашей новой жизни. Подробно я буду говорить с тобой и Лизой об этом еще не раз. Иди сейчас, друг, к себе и приготовься к завтрашнему концерту. Я же вернусь к Разумову и помогу ему собрать вокруг себя всех пассажиров, а не одну группу.

С этими словами Венецианец довел Алису до коридора, ведущего в ее каюту, и возвратился к упомянутой группе. Как и следовало ожидать, стоило только лорду Бенедикту присесть у группы Разумова, как все головы поднялись и все глаза благоговейно устремились на его опустившуюся в кресло величественную фигуру. Убедившись, что лорд Бенедикт внимательно слушает слова ученого и что подле него нет никого, с кем бы он вел интимную беседу, люди перестали бояться потревожить его своей неделикатностью и со всех сторон потянулись к нему. В глазах каждого читалась просьба разрешить присоединиться к группе, на что лорд Бенедикт ласково улыбался и приглашал жестом придвинуть ближе к нему свое кресло.

Разумов, закончив объяснения особенностей почвы и климата, повернулся к лорду Бенедикту, говоря:

— Как вы были правы, Учитель, приказав нам составить маршрут через самую широкую часть страны. Мои слушатели так поражены необычностью природы и совсем неслыханными особенностями климата и почвы. Я только сейчас понимаю свою ошибку. Ведь и я, как другие, спорил с вами и пытался доказать бесполезность затрачиваемого времени на путешествие на лошадях по множеству штатов. Теперь я вижу, как знакомство со страной и ее обычаями необходимо всем едущим.

— Не только знакомство с природой и обычаями народа необходимо всем нам. Больше всего нам необходимо понять, принять и благословить жизнь незнакомого нам народа, который станет нашим народом, народом нашей новой родины, как мы приняли и благословили жизнь всех тех народов, среди которых каждый из нас до сих пор жил. Нам необходимо в длительном путешествии, где бы мы могли видеть людей и природу не из окон вагонов, еще и еще раз отдать себе отчет, *что* мы собираемся делать. Мы не собираемся строить нечто обособленное, никому кроме нас не нужное. Мы не собираемся клеймить грешников и выставлять на вид свои добродетели. Мы хотим раскрыть, раскрыть *через* свою Общину, *новые* ворота людям, ворота единения в простой доброте. Когда мы будем проезжать по населенным пунктам, ищите всякой возможности знакомиться с людьми, но в каждой вашей встрече общайтесь не с личностью человека, не с рамками из комплекса бросающихся в глаза тех или иных условных качеств соприкасайтесь, а подавайте каждому, смело и решительно, *цветок вашей*

доброты. Кладите его под ноги встречному, если он не приемлет его иначе. Есть ли для вас встречи запретные во время нашего путешествия? Нет, все ваши встречи, каковы бы они ни были, хороши и необходимы. Вы слышали, что для некоторых людей не только *не все* встречи разрешены, но многие даже запретны. Вам же не только все встречи разрешены, но, как я сказал, необходимы. Никогда не смущайтесь тем, что другому что-то дано или запрещено в его пути. Не равняйтесь по пути другого и не любопытствуйте к чужому духовному пути. Строить место единения с людьми в любви и красоте можно всюду. И для этого нужны только два условия: чистое, неуязвимое для страстей *собственное* сердце и воля *вылить* из этого сердца творческий порыв любви во встречное сердце. Но есть люди, несущие в себе не только чистое сердце и творческий порыв, но имеющие еще *задачу* Светлого Братства, взятую ими под большую собственную и своих ближайших Учителей *ответственность*. Эти люди идут всегда в законе твердого и неукоснительного послушания, и *их* встречи строго ограничены и проверены. Вы люди — ученики первого типа. Вы — пути *везде* и *всюду* первой необходимости строительства. Вы духовные фонари, освещающие тьму жизни и разбивающие ее вульгарность. Через вас, как через фильтр из пористых губок, очищает Светлое Братство массу людей дорогу к пониманию более высоких нравственных проблем. Вы действием серого дня должны пробуждать в людях желание жить выше, чем они живут сейчас. И вся ваша задача — *продвинуть* в понимание людей, что такие силы, как честь и честность, доброта и сострадание, суть вовсе *не* качества самого человека, но *аспекты* того Бога, что он носит в себе. Вам на примере простого дня надо привести людей к пониманию, что никакое *внешнее* счастье и благополучие не может быть достигнуто на *мертвом внутреннем* механизме, где сердце и мысль руководятся «выбором» *лично* себе приятных дел, нисколько не считаясь, будут ли эти дела вредны или благоприятны, безразличны или полезны, злы или радостны для окружающих. Не мудрствуйте. Не задавайтесь какими-то особенными, высоконадуманными небесными задачами. Поймите ясно, что все, что *может* человек сделать полезного и высокого для окружающих его, он делает *легко и просто*. Легко и просто по *его* масштабам, то есть ценным для людей будет *всякое* дело человека, где пролилась его *большая сила*, но не то, где пролились его «большие усилия». Примите от меня сегодня мои слова не как наставление, не как формальный рецепт: «Как

внести в вульгарную жизнь людей Свет», но как привет моего сердца всем вам, привет уважения силе каждого из вас. Я вижу доброту и радость. Я понимаю ваши желание и нетерпение поскорей приложить на деле все порывы вашей любви. Примите и мою любовь как силу радости слиться с вами в один общий костер энергии, куда Свет Единого льется неустанно и неудержимо, *если* вы помните, *что* такое ваш серый день, *где* он начинается и кончается.

Поговорив еще некоторое время с отдельными лицами, лорд Бенедикт разбил всех своих слушателей на десятки, поставив во главе каждого десятка старшину из самых опытных, образованных и духовно продвинутых людей. Затем он лично отвел их в обширную библиотеку корабля, над закупкой книг для которой немало хлопотали Сандра и лорд Амедей. Здесь Венецианец познакомил только что выбранных старшин с двумя схожими как близнецы очаровательными девушками, заведовавшими библиотекой. Одна из них была совершенно седая, другая — темноволосая.

— Лалия и Нина, — обратился он к девушкам. — Я просил вас помочь мне довести на пароходе груз книг для будущей Общины. Вы же превысили мои желания и из части книг устроили временную библиотеку. Спасибо вам за усердие. Как видите, ваша любовь привлекла к вам в эту минуту немало читателей, которых вам и представляю. Вы же, дорогие мои читатели, можете не только здесь читать все, что хотите, но и брать те из книг, что вам особенно полюбятся, с собой в каюты. Даже окончив морское путешествие, вы можете не сдавать обратно книги, записанные за вами библиотекарями. Девушки едут только как мои помощницы на море. Они возвратятся с капитаном Ретедли обратно. Книги же поедут с нами дальше, как и запись их за вами. Если среди вас есть любящие библиотечное дело, вы можете немедленно его изучить у моих опытных помощниц, Лалии и Нины.

Сейчас же нашлось с десятков человек, пожелавших посвятить себя устройству будущих библиотек в Общине.

Оставив всех приведенных им людей в библиотеке, лорд Бенедикт послал Разумова к Николаю и Генри, прося передать им, что через четверть часа он начнет обход кают первого класса вместе с ними. Оба, Генри и Николай, должны быть со своими аптечками в музыкальном зале, сам же Разумов должен прийти в каюту Венецианца, где возьмет личную аптечку

Учителя, и во время всего обхода будет держаться в непосредственной близости от него.

Так шла «плавающая» жизнь людей, посвятивших свои дни служению ближним. Не мертвая идея «в будущем помогать» наполняла сердца ехавших, но каждая минута текущего «сейчас» была энергией труда, не теряясь в пустоте.

Разумов, не раз имевший более или менее длительные свидания с Учителем, но никогда не живший подле него, не мог себе даже представить жизнь «быта» рядом с Учителем. Он был потрясен и очарован его простотой, его неиссякаемой энергией, а главное, легкостью, с которой делал все тот, кого сейчас окружающие знали как лорда Бенедикта, но кого он давно имел счастье знать как Венецианца.

Оторванный от изучения своих восточных наречий, которые в первый раз в жизни давались ему с таким трудом, Генри был восхищен переданным ему Разумовым приказанием Венецианца дожидаться его в музыкальном зале.

Не потому Генри радовался, что был ленив и так трудно плавал по массе восточных книг, данных ему Николаем, но потому, что Великая рука, как до сих пор еще называла леди Цецилия Венецианца в интимных беседах с сыном, сейчас составлял центр всех его мыслей, всей его духовной жизни.

Любовь Генри к Ананде, как сам он себе говорил, составляла нечто большее, чем он сам, чем вся его деятельность и даже вся его земная жизнь. Анандою начиналось его утро. Анандою двигались его мысли и тело днем. Ананда завершал прожитый день. К нему нес Генри всю свою энергию и радость жить. Но... быть подле Ананды, его помощником и другом, Генри чувствовал, что еще не может. Он молился на Ананду и вместе с тем все чего-то от него хотел. Где-то в глубине сердца жила затаившаяся требовательность к Ананде, жажда быть для него первым и единственным. Как сам Генри носил Ананду в сердце единственным, так желал он быть единственно любимым своим высоким другом.

Подле лорда Бенедикта Генри точно исчезал, таял и терял всякое ощущение своей личности. Величие этого человека так подавляло его, что он точно совсем переставал существовать как некое «я» и жил только радостью видеть этого гиганта духа, участвовать в его труде и присутствовать при его общении с людьми.

Генри сам поражался, как легко ему становилось жить подле Венецианца. Он не мог разгадать, почему ему так свободно дышится? Так легко вертятся в голове мысли? Почему он видит весь мир, а не одного себя и Ананду, как только он находится подле своего нового Учителя? И почему весь мир кажется ему сплошной радостью и бурным счастьем жить, если рядом с ним лорд Бенедикт?

Генри сознавал, что не качества Учителя проникают в него, но что в нем самом начинает пробуждаться и действовать какая-то новая сила, как только он входит в общение и сотрудничество с Венецианцем.

Быстро сложив все свои книги, накинув свой докторский халат и взяв аптечку, Генри заглянул в смежную с ним каюту матери. Поцеловав на ходу ее прелестную ручку, хитро улыбнувшись, Генри сказал:

— Иду к самому. Велел ждать с аптечкой у музыкального зала. Наконец-то я буду доктор, а не восточный толмач.

— Ах, Генри, Генри, — смеялась леди Цецилия. — Тебя положительно испортило общество Сандры. Ты понабрался от него остроумия и постоянного желания смеяться.

— Испортило, мать? Хотел бы я, чтобы всю жизнь меня так все портило. Но до свидания. А то, пожалуй, сыновняя любовь испортит мои отношения с твоей Великой рукой. Ты ведь знаешь, как он во всем точен, — и, не дожидаясь дальнейшей реплики матери, Генри побежал в музыкальный зал.

Еще издали он увидел рослую фигуру красавца Николая, стоявшего у дверей зала. Не так давно Генри стал отдавать себе отчет, как красив и строен Николай. И еще меньшей давности было убеждение Генри в огромной духовной высоте Николая. Как это ни было странно, но этого красавца никто и нигде не видал на первом месте. Он не играл, казалось, никакой выдающейся роли ни в особняке лорда Бенедикта, ни в деревне, ни здесь, на пароходе. А между тем Генри хорошо помнил, что лично ему во все его трудные или смутные минуты всегда с необычайным тактом приходил на помощь Николай. Он видел, как и всех других в периоды их разлада поддерживал все тот же Николай.

Почему и сам он, Генри, и все вокруг утихали, примирялись и находили выход из своих печалей и бунта в присутствии этого человека? В чем его сила? Ведь он не Учитель, а ученик, как и все остальные. Живет он с женой, быт его самый обычный. И

ничего чудесного, ничего поражающего, как, например, взгляд И. или Ананды, которые так и прикуют тебя на месте, в Николае нет. И даже то, что он красавец, красавец в полном смысле слова, точно римский гладиатор или русский богатырь, даже и это не бросается в глаза, а точно «так и быть должно», как часто говаривала леди Цецилия.

Завидев издали Николая, точно стоящего на часах воина, Генри побежал быстрее. Молодость, сила и упругий бег придали ему еще больше веселости, ощущение новой любви вдруг наполнило его сердце, и, мальчишески смеясь, серьезный Генри неожиданно бросился на шею Николаю.

— Знаете ли, сэр Николай, какое удивительное открытие сделал я не так давно? Вы настоящий красавец, хотя немножко и великоваты. А кроме того, в вас такая масса очарования, что, если бы я был дамой, ежедневно бы посылал вам букет в полтонны весом.

— Ваше открытие, милый Генри, относительно моей красоты, а кстати и великоватости уже давно сделано Наль и Алисой. Но вот у меня есть одно открытие относительно вас, которого, пожалуй, вы сами в себе не успели еще заметить, вот это так действительно открытие серьезное, — отвечая ласковой улыбкой на объятие Генри, возразил Николай.

— Ну? Неужели? — смешно отпрыгивая от Николая и по-детски складывая руки у сердца, точно боясь, что именно туда заглядывают глаза Николая, удивленно и растерянно протянул Генри.

— Вот так штука! Ты что же, серьезный Генри, в акробаты собрался? Или тебя Николай так перепугал, что ты прыгаешь, как восточный человек, увидевший кобру? — раздался за спиной Генри смеющийся голос лорда Бенедикта, смеху которого вторил бас Разумова.

Окончательно смущенный, Генри не знал, куда деваться. Его выручил Николай, сказав лорду Бенедикту, что Генри считал себя обладателем великого открытия, которое уже оказалось сделано другими, да к тому же еще и женщинами.

— Ну, разве что женщинами, тогда уж можно рискнуть пострадать от твоих темпераментных скачков, Генри. А то было бы досадно оказаться с раздавленной ногой из-за твоего разочарования из-за неудавшегося открытия, — продолжал смеяться Венецианец. — Утешься, — прибавил он уже серьезно, пристально глядя на расстроенное лицо Генри, — хотя никто

еще не делал открытия о твоей красоте, но с некоторых пор она начинает расцветать внутри и вовне, и весь ты становишься гармоничным. А о том, почему тебе легко жить в моем присутствии, советую тебе поговорить с Николаем. Теперь достаточно нескольких его слов, чтобы очень многое перевернулось в тебе, в твоём устарелом для твоего «сейчас» сознании, милый мой друг Генри. Пойдемте, друзья, сначала мы обойдем каюты первого класса, где едут наши больные будущие сожители по Общине, а потом спустимся во все остальные отделы парохода, — обратился лорд Бенедикт к приглашенным молодым людям. — Капитан Джемс недаром опасается надвигающейся ночи. Буря не буря, но большое волнение в море ждет нас.

С этими словами лорд Бенедикт тронулся в долгий путь по обходу корабля, увлекая за собой своих спутников. Близившаяся ночь и усиливавшаяся с часу на час качка действовали плохо на население парохода, и всюду помощь лорда Бенедикта и его спутников приходила вовремя, принося людям успокоение и сон.

Алиса, погруженная в книги и ноты, не подверженная вообще морской болезни, забыла обо всем на свете, кроме данного ей Венецианцем поручения. Ее работа уже близилась к концу, когда она услышала знакомый стук в дверь своей каюты. Ни одна рука в мире, казалось ей, не могла так стучать, как стучала рука Венецианца. При этом стуке для нее мгновенно исчезали двери и стены, стук руки точно приходился по ее сердцу и говорил: «Я здесь. Готов ли ты, мой ученик?». И, ликуя, сердце Алисы отвечало: «Готов, войди, Учитель».

— Друг мой, я потревожил тебя, — сказал, войдя, Венецианец. — Но видишь ли, Николаю вместе со мной надо быть сегодня ночью у руля, в распоряжении капитана. Больных парохода будет проводить Генри. Леди Цецилия ухаживает за недомогающей Лизой, а с Наль побыть некому. Не пройдешь ли ты к ней, пока все обойдется и мы выйдем из полосы качки? Тогда Николай освободится, а ты вернешься к себе.

— О, отец, как много слов, — рассмеялась Алиса, юмористически повторяя фразу Венецианца, нередко слышанную по своему и чужому адресу. — Я готова, простите дерзкую, — прикивая к чудесной руке Учителя, накинув шаль на плечи, прибавила девушка.

— Иди, дружок. Смотри же, не попадись на многословии в каюте Наль. Я спрошу тебя об этом завтра, хотя сейчас ты и

стараешься показать, что хорошо помнишь мои слова, — улыбаясь и глядя Алису по ее легким волнистым волосам, в тон девушке отвечал Венецианец, выходя вместе с нею из каюты.

Простившись с Венецианцем, поднявшимся на палубу, Алиса прошла прямо к Наль. Бедная Наль, вообще плохо переносившая море, особенно остро чувствовала всякое приближение качки. Она так трогательно обрадовалась Алисе, что несколько минут не выпускала ее из объятий.

— Ах, как я тебе рада, сестренка Алиса, как рада. Море вызывает во мне отвращение и возмущение. Оно, кажется, только для того и появилось на моем пути, чтобы я хорошенько поняла эти мало мне известные чувства, — смеялась Наль, устало опускаясь на подушки.

— Я думаю, Наль, что есть еще очень много человеческих чувств, которых ты не понимаешь, и никакие моря на свете не помогут тебе их понять, — усаживаясь возле дивана Наль, шутливо отвечала Алиса.

— Вот как? Ты считаешь меня такой тупой?

— Не остри, сестренка Наль. Дело здесь вовсе не в тупости. Дело в том, что понять вульгарные чувства ты не сможешь, как бы сильно их ни выражал при тебе человек. Понять враждебность, кровожадность, лицемерие или ложь ты не сможешь, потому что в сердце твоём их нет. И сколько бы ты ни фантазировала на эти темы, ты их не поймешь только потому, что самые представления эти для тебя мертвы. Ты идешь мимо всех стрел, которые посылают тебе завистники, потому что зависть не может задеть в твоём сердце ни одного намека на самое себя. Там нет горечи, и на стрелу завистника твоему сердцу нечем отозваться.

— Возможно, что ты и права, Алиса. Я не занималась анализом моего сердца. Ему было всегда так много работы любви, которую оно не успевало выливать всем встречным, что не было времени разбираться, что в нём самом ещё живет и чего там нет. Одно могу тебе сказать, что там живет все человеческое настолько, чтобы без фантазий понимать наивысшее в жизни ближнего — его страдание.

— Понять страдание каждого? О, это действительно наивысшая сила из всех даров человека. Все понять — все простить, говорят французы. Но я думаю сейчас вовсе не о том. Можно понять, что человек страдает, сострадать ему, стараться разбить его суеверие или предвзятость, мешающие ему жить

счастливо. Но так понять, чтобы разделить его страдание, — для этого надо хотя бы один раз испытать самому те чувства, от которых рвется сердце твоего собеседника. Я думаю, что слово «понять» в высшем смысле значения — это вызвать в жалующемся тебе человеке желание действовать, бороться, сбросить с себя страдание от уныния и *освободить* дух к красоте, к *радости*. Но вот *как* помочь человеку освободиться и всегда ли, всякий ли может это сделать — в этом и есть вся трудность. Знаешь ли, отец Венецианец сейчас поразил меня ужасно. Он сказал мне, что далеко не все встречи, о которых меня просят и будут просить люди, мне разрешаются. Я не могла этого сразу понять. Мне казалось, что милосердие и доброта — это и есть раскрытые объятия всем. Сейчас я начинаю понимать, что можно не только раскрыть объятия человеку, но можно изнемогать в огромных усилиях его утешить в его страдании и... не достичь ничего. «Усилия» прольются, а «сила» не будет подобрана человеком. И чем тяжелее будет идти встреча, чем больше будешь ты изнемогать сам от «усилий» помочь, тем бесполезнее будет встреча. Потому что *сила* может выйти из сердца только тогда, когда сам человек действует легко, радостно, спокойно.

— Не знаю, Алиса, мой дядя Али всегда говорил мне, что таких внешних обстоятельств, которыми бы человек был задавлен, не существует. Что у каждого человека именно те обстоятельства, которые ему *по силам*. И потому *каждому* человеку *его* обстоятельства по силам, что он *сам* себе их создал. Нет обстоятельств, «данных» человеку, а есть только известная часть его собственных вековых действий, выпавшая из кармического звена в данное его воплощение. И сколько бы ни ждал человек, что кто-то другой разбросает и победит его собственную вековую энергию, вставшую перед ним в это «сейчас» как ряд сопутствующих воплощению тяжелых внешних обстоятельств, он так и будет в них жить до тех пор, пока сам не победит их энергией любви, мощной силой радости. Так говорил мне не раз мой дядя Али. Я думаю, что большая часть тяжелых встреч происходит именно потому, что страдающий не понимает, что только *его* собственная энергия любви и бодрости может помочь ему выйти из кольца давящих обстоятельств. А помогающий стремится не к тому, чтобы *пробудить энергию* унылого страдальца, а старается облегчить физическую тяжесть его внешних обстоятельств. Ты скорбела и плакала, когда была бессильна помочь своей сестре Дженни. Ты ни разу не пожаловалась на тяжесть жизни дома. Ты убирала все

препятствия и неудобства с дороги Дженни. Ты помогала ей блистать, одевала и обшивала ее и мать, пыталась их утешать и успокаивать. Ты расстроила свое здоровье, служа им, сиюсья принести им мир. И в этом ты несколько не успела, хотя в бесполезных усилиях и расшатала свое здоровье. Ты защищала отца и стремилась создать ему каплю уюта в доме. И в этом ты успела. Почему? Почему ты действительно защищала отца и не могла помочь ни матери, ни сестре? Потому что сила твоей любви к отцу лилась из тебя легко и радостно. Потому что единение твое с ним, помимо кровной связи, было в красоте Вечного. Он, как и ты, стоял в этом Свете, и сила твоей любви удваивалась от встречи с его любовью и удваивала его энергию. И все твои усилия украсить жизнь сестре и матери уходили, как вода в щели пола. Потому что тебе не удалось развить в них даже *первой* элементарной нравственной силы: *вкуса*. На вопрос, что любят *они*, что нравится *им*, ты могла услышать ответ о тысяче вульгарных вещей обывательской, эгоистической жизни, о внешнем блеске и удовольствиях, но Радости — Света Вечного не занимали места в их сознании. Ты называешь Венецианца отцом. Никто лучше меня не разделяет этого твоего чувства, когда уста сами собой говорят: «Отец». И все же ни его живой пример, ни его частые беседы не могут раскрыть ни в одном из нас тех свойств, которыми определяется крошечное словечко «такт», если в нас не развит вкус. Чтобы *началось* в человеке развитие его тончайших духовных сил, образующих собою *такт*, необходимо, чтобы *всем* — от дикаря до высокой степени культурного человека — свойственное первоначальное чувство вкуса перешло в утонченное *нравственное* чувство. И чем выше ведет свое начало *вкус* человека, чем реальнее сокровища, которые он начинает любить, тем дальше он подымается по лестнице духовной культуры, тем ближе он видит, ощущает Бога и, наконец, живет в *Нем* и с *Ним*...

Беседу прервал Генри, стучавший в дверь, прося разрешения войти.

— Я принес вам обеим, полуночницы, — это не я, а лорд Бенедикт так вас назвал, прелестные дамы, — пилюли. Его светлость предостерегает вас, что мы сейчас войдем в полосу сильной качки. Наль надо спать, а следовательно, и молчать, а Алисе — бодрствовать и... тоже молчать. Но это, Алисочка, уж от меня докторское указание, — смеясь, закончил Генри свою тираду, которую выпалил, подражая Сандре в его юмористических ужимках и скороговорке.

— Каково? Да ты ли это, кузен Генри? — воскликнула Алиса, удивленно рассматривая розовые щеки и горящие глаза сейчас такого возбужденного, обычно бледного и холодного лица Генри, со спокойными голубыми озерами глаз.

— Ну, вопросы потом, сестра. Теперь же моментально — пилюли, — голосом строгого врача сказал Генри, подавая лекарство сначала Наль, потом Алисе. — Лорд Бенедикт просил передать тебе, Алиса, эту тетрадь, велел тебе оставаться у Наль, хотя она и заснет, до тех пор, пока Николай не сменит тебя в каюте. Вот видишь, Наль уже спит, точно и не говорила две минуты назад. До свидания, забегу еще к маме и Лизе и снова помчусь по пароходу, — уже запирая дверь, закончил Генри и исчез в коридоре.

Укрыв Наль, потушив верхний свет в каюте, Алиса устроилась у столика и приготовилась читать присланную ей тетрадь, как почувствовала, что борт парохода взлетел вверх, вслед за тем весь пароход сильно вздрогнул, все задрожало и закрипело, и борт с высоты ухнул вниз. Не ожидавшая такой внезапной качки, Алиса упала с кресла на пол, выронив из рук тетрадь. Весело посмеявшись своей неудаче, она подобрала тетрадь, поправила соскользнувшую туфлю и решила лечь на диван, поручни которого будут предохранять ее от дальнейших падений.

«Бедные, бедные все те, кого буря застала в море, в их рыбачьих челнах или плохих суденышках», — подумала девушка, мысленно посылая благословение всем тем, кому море сейчас грозило опасностью или смертью. У самой Алисы не только не было страха перед бурей, не только вера ее в Венецианца, стоявшего у руля, наполняла ее чувством безопасности за всех тех, кого он вел в эту трудную ночь, но в сердце ее было нечто вроде досады, что ей не позволено быть возле великого рулевого и прибавить свои маленькие силы к его гигантскому уроку этой бурной ночи.

«Ну, нечего мне терять время в пустоте, мечтах о месте возле Учителя. Там мое место, где он мне его указал. К тому, что он мне указал, я должна приложить все мои силы и усердие», — закончила свои мысли Алиса.

Взглянув на Наль, убедившись, что пилюля Венецианца погрузила ее в столь глубокий сон, что она не чувствует ни качки, ни толчков, Алиса встала, выше натянула защитную сетку над Наль, чтобы та не могла упасть с дивана при особенно резких толчках парохода, с большим трудом прошла узкое

пространство качающейся каюты и улеглась снова на собственный диван, где натянула и на себя сетку и снова взяла в руки тетрадь.

Необычным теплом пахнуло на Алису, как только она открыла прекрасную обложку из зеленой кожи и прочла надпись, сделанную крупным, ровным и четким почерком Венецианца:

Наставление ученику в ту минуту, когда он сознательно выбрал путь земной жизни, видя в ней единственный для себя возможный способ жить: трудиться на общее благо, разделяя труд Великого Светлого Братства.

Что значит слово «ученик»? Что значит слово «сознательно»? Ученик — это вовсе не тот человек, что говорит себе и всем: «Я пошел за Учителем, пошел по его тропе, которую Он указывает людям. Хочу достичь цели и свидеться с Ним, а потому я и есть ученик».

Ученик — это тот человек, который понял, что путь, по которому идет Учитель, это прежде всего путь, лишенный всякой вульгарности.

Ученик — это тот человек, в сознании которого *перестали* существовать некоторые понятия, как представления *отжившие*, не обозначающие более условных ценностей. Они *вскрылись* новому сознанию ученика как предрассудки, отягчающие день.

Такие условные земные понятия, как преходящий внешний блеск, богатство, зависть, соперничество, тщеславное искание выдающегося положения, ученик стал понимать как обстоятельства, затрудняющие ему путь освобождения, *его* собственные свойства еще не изжитой личности.

Ученик — это тот человек, в сердце которого разрушилась перегородка между «мой» и «чужие» как условная граница *кровного* родства и где стала ярко светиться для него живая Жизнь в каждом человеке потому — именно потому, — что в *нем* самом засветилась прочно Жизнь, он смог *Ее* искать во встречном, *Ею* общаться и к *Ней* в нем взывать.

Это не значит, что просветленный зажегшейся Жизнью в самом себе ученик будет заниматься словесными тирадами с каждым встречным, желая *в нем* вызвать определенное «настроение».

Это значит, что он *сам* будет *действовать*, хотя бы уста его молчали, развивая в себе всю доступную ему мощь Кундалини, выливая во встречу из своего сердца наивысшее благородство и радость, какие он понял как *неотъемлемые* качества Учителя в его общении с людьми.

Ученик — это тот, кто стал прост и добр со своими встречными, потому что в сердце его исчезли все закорючки личности. И он *мог* в нем освободить пустое пространство для Света Жизни.

Жизнь заняла эту пустоту ученического сердца, где раньше жили личные чувства, и *Она* наполнила эти пустоты Своим гулом радости.

Ученик не думает ежеминутно о труде дня как о несносном яре. Он понимает, что его труд есть *всегда* радость. Если в тяжком труде он изживает свои страсти, выковывая такие главные силы, без которых был он выпущен в свет плохими воспитателями, как выдержка, самообладание, аккуратность, точность, тогда его труд приносит ему радость как первоначальную *возможность* освобождения. Если же он *уже* воспитан к плодотворному труду, то видит в своем счастье *быть* и *становиться* действенной единицей в данных сейчас *ему* месте, времени и нации, где он может понять высший импульс труда на земле — общее благо — и *быть* ему проводником.

Ученик — это тот человек, в действиях и поступках которого исчезло *все* пошлое и вульгарное только потому, что *сила* Жизни в нем стала *первым* стимулом при каждом действии на земной арене.

Жизнь трудового дня ученика — это *прославление* Единой Жизни во всех бесчисленных *формах* его собственного дневного труда.

Что значит в применении к такому способу жить слово «*сознательно*»?

Сознательный поступок ученика — это есть цельное, без компромиссов, решение. Решение, в котором *оба* творческих элемента человека — его мысль и чувство — живут в *гармонии*, *слитые* в одну силу: деятельную *радость*, творя, жить.

Что подразумевать под деятельной радостью, творя, жить? Жить в движущихся и развивающихся аспектах того Бога, которого понял как *Силу Неустанного* движения любви. Если хотя бы на минуту ученик выпал из понимания, что

Божественная любовь мчит в вечном движении Свое творящее дыхание вселенной, — он сам остановился, радость в нем омрачилась и его день стал уже не легким движением Света, но тяжелым *подвигом*. Подвигом любви со вздохом, печалью, беспокойством и страхом.

«Сознательно» ученика есть выраженная в одном слове, имеющая тысячи форм все та же его *верность*.

Верность как таковая есть *первоначальный принцип мысли Единого*.

Любовь есть первоначальный принцип чувства Единого.

Выбор ученика сознателен тогда, когда *эти два* принципа Вечности пришли в нем в гармонию *не как идея* светлого существа, но как единственная форма творчества, выливаемого им *каждый день в весь труд и во все* встречи.

Пространство и время, ограничивающие мысль и чувство обычного человека, не существуют как *ограничительные* принципы для *вскрывшегося* сознания ученика. Его сознание становится космическим. Он *легко* делает все свои простые дела, если он человек средний и в нем нет особой одаренности. Его серый день радостно течет в орбите средних человеческих способностей. Все его духовные силы направлены *не* на дальние горизонты, но на простые, близкие дела, где его доброта светит всем окружающим и греет их.

Такой ученик всем светит и греет без специальных мыслей об этом. Светит и греет потому, что он несет свою доброту *не* из тесных и душных комнат, в которых рылся среди хлама маленьких и мелких мыслей обывателя. Мыслей, условно нажитых за свою узкую жизнь. Обыватели обычно, делая добро, думают, как много пользы приносят *их* поступки людям. Или с какой *пользой они* подарили свои старые вещи своим ближним. При этом затруднив *своим* пониманием пользы и тех, кому они давали, и тех, через кого давали свои малостоящие подарки.

Ученик же несет свой свет и доброту во все дела и встречи, *живя* в тех без времени и пространства принципах Бога, аспекты Которого звучат в нем самыми разнообразными нотами радости. Он их черпал *в себе, сливаясь* с любовью Вечного, которую понял как отличительный признак *каждого* Учителя, за благородным поведением которого он хотел бы творчески следовать всею своею верностью.

Если же ученик несет в себе *великую* силу истинного таланта — я не имею в виду притянутого за волосы так называемого

таланта, — он движется не только в свои вдохновенные минуты по космическому пути. Он стоит *всегда*, во все минуты жизни, *рядом* с Учителем. Он не ищет *подражать* высокому благородству Учителя, он *знает* его в себе как первоначальный, отправной пункт *всех своих* жизненных эмоций.

«Выбрать» себе высокий путь по склонностям еще не значит *стать* на него. Нередки явления очень старых людей, имеющих свободное время, живущих не трудясь и раскрепощенных Жизнью от всех условных земных привязанностей и обязанностей. Или, наоборот, окруженных близкими, пользующихся их безвозмездными услугами, заботами, любовью. И те и другие старики всю жизнь искали возможности подойти к Учителю. И в старости остаются мертво стоящими в смысле своих исканий, ибо вся сила их мыслей обращена только на самих себя.

Следовательно, *один* из принципов Вечности, живущих в каждом человеке, они *закрыли* в себе постоянной мыслью — «я делаю», «моя личность», «мой труд», «моя фантазия», «моя сила» и т.д. У этих людей «я» и «мои» не пропускают любви эфирной вселенной в их душевные, подчас неряшливые комнаты.

Стать на путь — это не значит искать, *как* встретиться с Учителем. Это значит *жить* в тихом и мирном *прославлении* текущего дня, каков бы он ни был вовне. И тот, кто живет в *таком* мире *внутри* себя, не может иметь немирного окружения *вокруг* себя. Ибо все живое — от вульгарного человека до высокой, благородной силы — склоняется перед благоуханием мира, льющимся из такого сердца. И тогда совершается то чудо, о котором говорится ученику: «Готов ученик — готов ему и Учитель».

Алиса выронила тетрадь из рук, и мысли ее понеслись в родной дом к обожаемому отцу. Многое, многое из своей прошлой жизни понимала она теперь иначе. Но неизменно одинаково она понимала прекрасный образ отца. Как нельзя лучше подходили к пастору последние прочтенные ею слова. Весь внутренний облик его точно обрисовывался ими. В присутствии отца даже пасторша не решалась давать волю своей раздражительности. А в Дженни просыпалось все лучшее, что тлело в ней, и на губах ее мелькала веселая улыбка. Улыбки непритворной, легкой, какой улыбалась Дженни в обществе отца, Алиса никогда не видела на лице сестры в его отсутствие.

Для пастора пришло чудо встречи с Учителем, а через него и для самой Алисы. День за днем вставали последние месяцы жизни в мыслях Алисы, и не замечала девушка ни усиливавшейся качки, ни воя ветра, ни ударов волн, яростно набрасывавшихся на борющийся с ними пароход.

Ярче других новых встреч вставал перед ней лорд Мильдрей, доброте которого она не встречала равной, хотя знала отцовскую доброту, тоже не шедшую ни с чем в сравнение.

Только сейчас Алиса отдала себе отчет, как глубоко любила она этого человека и какое огромное место — незаметно для нее — занял он в ее жизни. Она не могла сказать себе, с какого именно момента она полюбила Амедея. Со свойственным всем женщинам инстинктом она сразу поняла глубину молчаливого обожания, с которым смотрел на нее Амедей. Теперь она стояла перед совершившимся фактом: она любила Амедея той любовью, где ни время, ни разлука, ни пространство не гасят пылающего образа в сердце, но где два сердца сливаются в одно, где нельзя провести границ между «мое» и «твое» и где радости и печали одного заливают нераздельно двоих.

Неожиданный поворот в судьбе самой Алисы, мать и еще более неожиданный переворот в ней, Дженни и ее ужасная, мрачная судьба, — все вставало перед Алисой как панорама жизни, в которых она сознала себя точно вынутой из футляра чьей-то волшебной рукой.

Сколько любви, сколько действия пролила вокруг себя светлая фигура Учителя Венецианца, и в какое кольцо очищения попадало все соприкасавшееся с ним!

«Ни минуты в пустоте», — вспомнила вдруг Алиса часто слышанные слова дорогого Учителя. «А я в эту минуту живу именно в пустоте, отдаваясь мечтам, бесплодным и смешным. Прими, Учитель, благодарность и благоговение мое перед тобою. Если бы было возможно, я пропела бы Гимн Творцу, прославляя эту минуту Твоего труда для спасения людей», — закончила свои мысли Алиса и снова развернула тетрадь.

Но раздался стук в дверь, и Николай спрашивал разрешения войти. Быстро вскочив с дивана, Алиса впустила Николая и только теперь, увидев обветренное лицо и блестящую от сырости резиновую одежду Николая, отдала себе отчет, что вокруг уже нет воя ветра, что рев волн умолк, что пароход идет, равномерно покачиваясь на легких волнах.

— Теперь я присмотрю за Наль, — сказал Николай. — А тебе, Алиса, хотя уже светлый день, лорд Бенедикт приказывает идти спать.

— Как спать? Да я едва начала читать ту тетрадь, которую мне велено прочесть.

— Почему же ты так мало прочла? Ведь вся ночь пролетела.

— Да я и не заметила, что ночь уже минула. Когда начнешь о чем-нибудь думать, так и не поймешь, куда девается время, — виновато ответила Алиса.

— Ах, неблагодарная, — шутливо ответил Николай. — Мы старались наверху, что есть мочи подбирали силу и указания Учителя, чтобы обеспечить тебе максимум покоя для выполнения твоего урока, а ты, видите ли, мечтала.

— О, Николай, хотя и в шутку сделанный, но упрек в неблагодарности приходится к месту. Сколько бы я ни жила на свете, никогда не сумею отдать всей должной благодарности Учителю Венецианцу.

Тронутый смущением Алисы, Николай заверил ее, что не только она, все в том же положении и все одинаково не выучились выполнять точно, четко и немедленно тех заданий, что получают от Учителя.

Проводив девушку, Николай внимательно осмотрел лицо Наль, тихо спавшей, переделся и присел к столику у постели жены, принявшись читать толстую книгу, из которой делал выписки.

Так, в непрерывном труде, шла жизнь людей, которых отобрал себе в сотрудники лорд Бенедикт. Всегда окружавшая его красота, легкость, с которой он все делал, бодрили людей, и они стремились действовать по его живому примеру.

Радостность составляла атмосферу парохода, который капитан Ретедли, как ему предсказывал еще в Лондоне Учитель, благополучно привел в Нью-Йорк, несмотря на все угрожавшие ему в пути опасности.

